

Юркие ящерицы бегали по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева; они отлично понимали друг друга, потому что говорили по-ящеричи.

- Ишь, как шумит и гудит в холме у лесных духов! - сказала одна ящерица. - Из-за этого шума я уж две ночи кряду глаз сомкнуть не могу. Точно у меня зубы болят, - тогда я тоже не сплю.

- Там что-то затевается, - сказала другая. - Холм, как подымется на своих четырех

красных столбах, так и стоит, пока не запоют петухи, - верно, хотя его хорошенько проветрить, - а дочери лесного царя выучились новым танцам с притоптыванием. Да, что-то затевается!

- Я говорила с одним моим знакомым, дождевым червяком, - сказала третья. - Он только что выполз из холма, где дни и ночи рылся, и там подслушал кое-что. Видеть эта жалкая тварь ничего не видит, зато бродить ощупью да подслушивать - мастер. В холме ожидают заморских гостей! Важных-преважных! Кого именно - дождевой червяк сказать не хотел да, пожалуй, и сам не знал. Все блуждающие огоньки приглашены участвовать в факельном шествии - как это у них называется! И все золото и серебро, - а этого добра у них в холме довольно, - начищают до блеска и выставляют сушиться на лунный свет.

- Каких же это таких гостей ждут? - толковали ящерицы. - Что там затевается? Слышите, слышите, как там шумит и гудит?

В эту самую минуту холм лесных духов раскрылся и оттуда, семена ножками выскочила старая лесная дева; у нее не было спины, но одета она была очень прилично. Это была ключница и дальняя родственница самого лесного царя, а потому носила на лбу янтарное сердце. Ножки у нее так и работали: топ! топ! - и она живо очутилась в болоте у ночного ворона.

- Вас приглашают в холм сегодня же ночью, - сказала она. - Но сначала я попросила бы вас оказать нам большую услугу - оповестить остальных приглашенных. Надо же быть чем-нибудь полезным, - своего хозяйства у вас ведь нет! Мы ждем очень важных чужеземцев, троллей с большим весом, и наш лесной царь не хочет ударить лицом в грязь.

- Кого же приглашать? - спросил ночной ворон.

- На большой бал может явиться кто угодно, даже люди, если только они говорят во сне или вообще отличаются чем-нибудь в нашем роде. Званный обед - дело другое, тут надо выбирать да выбирать. Общество должно быть самое избранное! Я уж и то спорила с лесным царем насчет привидений: по-моему, и их нельзя допускать! Прежде всего придется, конечно, позвать морского царя с дочерьми; они не очень-то любят выходить на сушу, ну да ничего, мы посадим их на мокрый камень или еще что-нибудь придумаем - надеюсь, не откажутся! Потом надо позвать всех старых троллей первого класса, с хвостами, затем водяного и домовых, и, наконец, я думаю, нельзя обойти приглашением могильную свинью, мертвую лошадь и церковного карлика: правда, они принадлежат к духовенству и у нас с ними ничего общего, однако же как-никак родня, они нас не забывают и наносят визиты.

- Карр! - крикнул ночной ворон и полетел приглашать.

Дочери лесного царя уже плясали на холме с длинными шарфами, сотканными из тумана и лунного света, - это очень красиво по мнению тех, кому такие вещи нравятся. Парадная зала холма была разубрана на славу: пол вымыт лунным светом, а стены натерты ведььминым салом, так что

светились, как лепестки тюльпанов, пронизанные солнечным светом! В кухне жарились на вертелах сотни лягушек, готовились ужиные шкурки с начинкой из детских пальчиков и салат из мухоморов, сырых мышиных мордочек и белены. Пиво привезли от самой болотницы, из ее пивоварни, а искрометное селитровое вино добыто из могильных склепов; словом, все было как следует. К десерту готовились гряда ржавых гвоздей и осколки церковных стекол.

Старый лесной царь велел вычистить свою золотую корону толченым грифелем; для этого нужно было добыть грифеля первых учеников, а это для лесного царя очень трудно. В спальне повесили занавески и прикрепили их слюной ужа. Вот возня-то была! Недаром шумело и гудело.

- Теперь остается покурить здесь волосом и щетиной, - и мое дело сделано! - сказала старая лесная дева.

- Папаша! - заговорила самая младшая дочка. - Скажи же, наконец, кто такие эти важные гости?

- Так и быть, - отвечал лесной царь, - скажу. Две из моих дочерей должны быть наготове. Две уж непременно выйдут замуж. Старый норвежский тролль, тот, что живет в скале Довре, владелец множества гранитных дворцов и золотых россыпей, - они у него лучше, чем думают, - едет сюда женить двух своих сыновей. Старый тролль - истый норвежец старинной закалки, веселый и прямой! Я давно его знаю, мы даже пили с ним на «ты», когда он приезжал сюда жениться. Жена его уж умерла; она была дочь короля меловых утесов на Мёне. Ах, как мне хочется поскорее увидеть старого тролля! Сыновья-то у него, как слышно, не задались, задиры какие-то неотесанные. Ну, да это, может быть, пустые слухи; к тому же они с годами еще исправятся. Надеюсь, вы сумеете вышколить их!

- А когда они будут здесь? - спросила одна из дочерей.

- Смотря по погоде и по ветру, - сказал лесной царь. - Они очень расчетливы и едут морем с оказией. Я было советовал им ехать через Швецию, но старик до сих пор еще косится в ту сторону. Он немножко отстал от века, и вот это мне не нравится.

Вдруг к ним поскакали во всю прыть два сторожевых блуждающих огонька, - один был проворнее другого и прибежал первым.

- Едут, едут! - кричали они.

- Подайте мне мою корону и пустите меня на лунный свет, - сказал лесной царь.

Дочери высоко подняли свои шарфы и присели чуть не до земли.

Старый тролль из Довре был в короне из ледяных сосуллек и полированных еловых шишек, в медвежьей шубе и меховых сапогах. А сыновья его ходили, напротив, с голыми шеями и без подтяжек, чтобы показать свою закалку.

- Разве это холм? - спросил младший, указывая пальцем на холм лесных духов. - По-нашему, по-норвежски, это - дыра!

- Вот так молодцы! - сказал старый тролль. - Дыра идет вниз, а холм вверх! Что ж вы ослепли, что ли?

Особенно удивляло молодцов, по их словам, то, что они так скоро выучились понимать здешний язык.

- Ну, ну, только не представляйтесь, пожалуйста, - сказал им отец. - Можно подумать, что вы совсем неучи.

Потом все вошли в холм, где собралось самое что ни на есть избранное общество, да притом так скоро, точно их всех ветром намело. Каждому было приготовлено особое удобное местечко, морские гости сидели за столом в больших чанах с водой и чувствовали себя совсем как дома. Все вели себя за столом очень прилично, кроме молодых норвежцев-троллей. Они положили ноги на стол, думая, что у них все выходит мило.

- Ноги долой! - сказал старый тролль, и они послушались, хотя и не сразу.

Своих соседок за столом они щекотали еловыми шишками, - у них были полные карманы этих шишек, - потом сняли с себя для удобства сапоги и дали их держать дамам. Старый тролль вел себя совсем не так: он рассказывал чудеснейшие истории о величественных норвежских скалах, о пенящихся водопадах, которые, с гулом и ревом, подобным раскатам грома и звукам органа,

низвергаются в пучину; рассказывал о лососях, что прыгают и борются с течением под звуки золотой арфы водяного; рассказывал о звездных зимних ночах, когда весело звенят упряжные бубенчики, а молодые парни бегают с горящими смоляными факелами по гладкому льду до того прозрачному, что видно, как под ним мечутся испуганные рыбы. Да, умел-таки он рассказывать! Слушатели словно видели и слышали все сами: водопады и водяные мельницы шумели, деревенские парни и девушки пели и отплясывали халлинг. Ух как! И старый тролль так расхотелся, что вдруг чмокнул старую лесную деву, точно старый дядюшка, а они вовсе и родственниками-то не были!

Потом дочерей лесного царя заставили танцевать. Они прекрасно исполнили несколько танцев, и простых, и с притоптываньем, и, наконец, должны были исполнить самый затейливый, проделать то, что они называли выйти из хоровода.

Эх! как они пошли вытягиваться! Где начало, где конец, где рука, где нога - ничего не разберешь, точно стружки закрутились! Под конец они так завертелись, что мертвую лошадь затошнило и она принуждена была выйти из-за стола.

- Бррррр! - сказал старый тролль. - Вот так задали работу своим ножкам! А что они еще умеют, кроме плясок, вытягивания ножек и головокружения?

- А вот сейчас узнаешь, - сказал лесной царь и вызвал самую младшую дочь; она была тонка и прозрачна, как лунный свет; это была самая нежная и изящная из всех сестер; она взяла в рот белый прутик, и - вдруг - нет ее, исчезла без следа! Вот было и все ее искусство.

Но старый тролль сказал, что такое искусство в жене ему вовсе не по вкусу, да и сыновьям его вряд ли понравится.

Вторая умела ходить сбоку самой себя, - выходило точно у нее была своя тень, а у троллей и духов ее ведь не бывает!

Третья сестра была совсем иного склада: она обучалась варить пиво у самой бабки-болотницы и отлично умела шпиговать болотные кочки светляками.

- Из нее выйдет отличная хозяйка! - сказал старый тролль, но чокаться с ней не стал, а только подмигнул, - он боялся выпить слишком много.

Четвертая вышла с золотой арфой в руках, ударила по одной струне, и все должны были поднять левую ногу, - тролли и духи все ведь левши, - ударила по другой, и все должны были плясать под ее музыку.

- Опасная особа! - сказал старый тролль, а молодые тролли взяли да ушли из зала, - им уж надоело все это.

- А следующая что умеет? - спросил старый тролль.

- Любить все норвежское, - сказала та. - Я выйду замуж только за норвежца.

А самая младшая сестра шепнула старому троллю на ухо:

- Это она узнала из одной норвежской песни, что при светопреставлении, когда все рушится, уцелеют одни норвежские скалы. Вот ей и хочется попасть в Норвегию: она страсть боится погибнуть.

- Эге - сказал старый тролль. - Вот оно что! А седьмая и последняя что умеет?

- Перед седьмой есть еще шестая, - сказал старый лесной царь, - он умел считать.

Но шестая не хотела даже показаться.

- Я умею только говорить правду в глаза, - сказала она. - Поэтому я никому не нужна, да и дела у меня по горло: я шью себе погребальный саван.

Теперь дошла очередь и до седьмой. Что же она умела? Да она умела рассказывать сказки о чем угодно и сколько угодно.

- Вот тебе мои пять пальцев, - сказал старик-тролль. - Расскажи мне сказку о каждом.

И она взяла его руку и принялась рассказывать, а он смеялся до колик. Когда же она дошла до Златоперста, опоясанного золотым кольцом, словно в ожидании обручения, старик сказал:

- Стой! Держи его крепче! Рука эта - твоя! На тебе я сам женюсь!

Сказочница возразила, что он еще не дослушал о Златоперсте и о Петрушке-бездельнике.

- Зимой дослушаем, - сказал старый тролль. - Послушаем тогда и о них, и об елке, и о березке, и о трескучих морозах, и о дарах хульдры. Тебе предстоит отличиться у нас; там в Норвегии никто не умеет так рассказывать. Мы будем сидеть в горной пещере, при свете сосновых лучин, и пить мед из золотых рогов викингов. Водяной подарил мне парочку таких рогов. И Гарбу придет к нам в гости и споет тебе все песни горных пастушек. Вот веселье-то пойдет у нас! Лососи запрыгают в струях водопада и будут биться о стены пещеры; только не попасть им к нам! Эх! Хорошо в нашей старой славной Норвегии!.. А где же мои молодцы?

Да, куда же они девались? Они бегали по полю и задували блуждающие огоньки, которые так любезно явились участвовать в факельном шествии.

- Что вы шляетесь? - сказал старый тролль. - Я вот взял вам мать, а вы можете взять за себя которую-нибудь из теток.

Но молодцы сказали, что им больше нравится пить на «ты» и говорить речи, а жениться вовсе не хочется. И вот, они говорили речи, пили на «ты» и потом опрокидывали кубки себе на ноздь, - это значило,

что в них не осталось ни капли. Наконец они сняли с себя кафтаны и растянулись на столе отдыхать; они несколько не стеснялись. А старый тролль пустился со своею молодою невестой в пляс, и потом поменялся с ней сапогами, - это поновее, чем меняться кольцами!

- Чу! Запел петух! - сказала старая ключница. - Пора закрывать ставни, чтобы солнце не спекло нас. И холм закрылся.

А по стволу гнилого дерева бегали взад и вперед ящерицы и тараторили:

- Ах, как мне понравился старый норвежский тролль!

- По-моему, молодежь лучше! - сказал дождевой червяк, - но ведь он был слеп, жалкая тварь!